

П Р О З А

Алексей СЕРОВ

Закончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал электромонтером, газосварщиком, корреспондентом в редакциях местных газет.

Автор книг «Семь стрел» (2001) и «Мужчины своих женщин» (2006). Заканчивает работу над третьей книгой. Рассказы, повести, статьи публикует в региональной прессе, «Литературной газете», в коллективных сборниках. В центре его прозы — городские лирические сюжеты.

«...Я пишу о поступках, определяющих жизнь людей, — говорит Алексей Серов. — Это могут быть и вовсе не героические поступки. Главное, чтобы они были настоящими, не фальшивыми. И я должен рассказать о них без фальши...». Член Союза писателей России. Живет и работает в Ярославле.

Вавилон

Повесть

1.

На день рождения коллеги засыпали меня подарками. Мелкими, бессмысленными. Перечислять их долго, да и не нужно. Важно лишь, что среди прочих артефактов оказалась вот эта записная книжка — плоская, бездарная в своей убогой рациональности, голодная до чернил. Однако, увидев книжку впервые, я сразу решил, что страницы ее навсегда останутся нетронутыми, ненасытными. Существует такая категория подарков — они изначально не годятся для серьезного дела.

Я стал носить ее в кармане случайно: сунул и забыл. Она настолько мала и скромна, что никак не напоминает о своем существовании. Хотя при моем-то мелком и аккуратном почерке, думаю, в этой книжке могла бы уместиться приличная повесть.

2.

В наших карманах, между прочим, постоянно живут вещи, которые там не должны находиться,— и живут, бывает, годами. В кармане моей старой джинсовой куртки долго квартировал грецкий орех, свивший гнездо среди потрепанных троллейбусных талонов, до того иссохший, что напоминал уже какой-то каменный уголек. И еще рядом с ним лежал, Бог знает для какой надобности, небольшой обрезок медной трубки. Каждый раз, влезая рукой в карман, я напоминал себе, что барахло нужно поскорее выкинуть, но не решался сделать это немедленно. Да и жалко было — привык.

Вот и с книжкой такая история... не думал, что она пригодится когда-нибудь. Однако недавно мне потребовалось записать адрес и телефон объявившегося через много лет старого знакомого; столкнулись на улице глаза в глаза, не уклониться... Он-то, смотрю, седенький уже, хромой, с палочкой... а ведь ровесники! Пришлось стоять на солнцепеке и произносить ненужные слова, совершать фальшивые бодрые движения. За пивом выяснилось: Жора служил по горячим точкам, воевал, теперь на пенсии. Скучает. Не прочь бы заняться настоящим делом, но такого дела пока не видит.

— Обращайся,— сказал Жора с улыбкой,— если надо кого-то взорвать.

Конечно, именно такая надобность обязательно появится у меня в самое ближайшее время. Я кивнул и демонстративно полез в карманы в поисках клочка, на котором можно было бы сохранить информацию — хотелось поскорее отделаться от этой протухшей дружбы, — и вдруг наткнулся на записную книжку. Не сразу и сообразил, что такое там лежит в заднем кармане брюк.

3.

«Не следи за временем — следи за собой!»

Сегодня на улице придумал эту фразу, жаль было забывать ее. Себя я знаю хорошо: память у меня не железная, а, скорее, глиняная. Здесь и сейчас помню, а там и потом уже нет, развалилось яркое видение, рассыпалось, слилось пылью по ветру. Поэтому все, что придумывается интересного, нужно обязательно сразу фиксировать. Опять нашел эту потайную книжку, обрадовался ей.

Завелся в кармане и небольшой карандаш для полного удобства. Он женился на записной книжке — не исключая, ради ее жилплощади. Но осуждать его вряд ли стоит. Браки по расчету обычно крепки.

И теперь я оказался вроде бы во всеоружии перед миром, который ежедневно и ежесекундно водопадом льется на меня со всех сторон. Вздохнуть невозможно без того, чтобы не проглотить какое-то количество грязной воды. Маленькая записная книжка дает возможность противостоять миру... нет, это неправильно — не противостоять, а осваивать его.

4.

Накануне дня рождения был в церкви — хотел точно выяснить, можно ли отмечать сорок лет, устраивать праздник. Многие считают, что нельзя. Плохая, дескать, примета.

Отстоял службу. Молодой попик крестился щегольски, так, словно ордена себе на грудь привешивал. После я подошел к нему со своим вопросом, и он сразу начал насесть на меня, чуть ли не ругать, словно я в чем провинился. Учить стал, хотя самому-то, может, лет двадцать семь всего. В Библии, мол, ничего на сей счет не сказано, это просто суеверия, которым поддаются одни глупцы...

Вскоре попик немного остыл, мы поговорили с ним уже спокойно. Оказался нормальный мужик, зовут Глеб, бывший военно-морской офицер. Просто к службе своей нынешней он относился не менее ревностно, чем к той, прошлой. Ценю таких людей. Только бы не разочаровался он опять...

Я сам не то чтобы потерял веру в какие-то светлые идеалы или убедился, что нами руководят подлецы. Нет. Просто за годы своей работы я сумел почувствовать: все люди, независимо от пола или возраста, желают друг другу смерти. Это, конечно, происходит не напрямую, но подспудно чувствуется постоянно: в том, например, какими бывают лица наилучших подруг, сидящих за аперитивом, едва одна из них отвернется чуть в сторону; в том, с какой мягкой улыбкой товарищ выслушает твой рассказ о достигнутых успехах; в проклятиях, которые начальник шлет своему подчиненному, завалившему, казалось бы, верное дело... Взгляните на мать, тискающую своего ребенка в шуточных объятиях. Что-то слишком крепки эти объятия. Малютка уже посинел. Вот мать испуганно вскрикивает, если малыш удалится от нее на опасное расстояние — мне тут ясно слышен восторг человека, заглянувшего за край пропасти. Влюбленный юноша часто представляет себе свою девушку лежащей в гробу, и тогда сердце его сладко замирает: как я буду без нее? С кем? А она — мечтающая надеть красивое черное платье на его похороны, поставить на могиле любимого изящный памятник с ангелочками и долго предаваться медовой скорби, потом уехать, безутешной, в дом отдыха и в первый же вечер познакомиться с кем-нибудь?..

Ну а сами-то вы, признайтесь, разве никогда не рисовали в своем воображении почувствованную, взволнованную речь на похоронах друга, не хотели спровадить его на тот свет раньше, чем сами туда попадете? Э, да что говорить! Я, разумеется, привык к этому порядку вещей, не собираюсь ничего менять, но не собираюсь и делать вид, будто мне все нравится. Я верю только в одно — в долг, который следует выполнять неукоснительно.

5.

...И ведь неплохой получился праздник! Коллеги поздравили меня, а начальство намекнуло: скоро предстоят большие перемены, повышение. Как же, ведь я ценный кадр. Понимаю, что незаменимых людей нет, но все-таки в нашей клинике я в какой-то степени незаменим. Иногда, конечно, за глаза и за углом слышится завистливое «жлоб», но обращать на это внимание — ниже моего достоинства.

Вначале, когда все уже расселись, главврач долго тискал мое плечо и шевелил растопыренными лепешками толстых губ, пытаюсь высказать нечто значительное, но, ужасно милый в этом речевом ступоре, он так ничего и не рожал, а лишь заглядывал мне в глаза и просительно улыбался. Ему, конечно, быстро помогли, подхватили, развили его несуществующую мысль, и в конце он добавил еще пару трогательных междометий, сразу почувствовав себя новым Цицероном. Он у нас настолько глуп, что считает себя умным человеком. Его нельзя не любить. В общем, я остался доволен.

Потом я ушел в отпуск и первую неделю просто лежал целыми днями в ванной, задавшись целью вытравить из себя вьевшийся до печенок больничный запах. Отключил телефон, чтобы, не дай Бог, начальству не взбрело в голову срочно вызвать меня на работу. На редкие и, видимо, случайные звонки дверь не открывал (а кто там мог быть? у меня нет друзей), пил минеральную воду, ничего не ел. Наконец, решил, что, пожалуй, неплохо бы куда-нибудь съездить.

Я включил телефон, и тут же раздался звонок — словно поджидал меня в засаде. Звонил коллега. Он собирался на юг и предлагал мне в полное распоряжение свою дачу на три недели с тем, чтобы я там за всем присмотрел и не дал местным деревенским жителям порушить хозяйство, растащить накопленные материальные ценности.

Поначалу я отказал, но, хорошенько обдумав предложение, уже через пятнадцать минут перезвонил коллеге и согласился. Погода стояла волшебная, тропическая; бесплатно и бесхлопотно в моем распоряжении оказывались несколько дней сельской тишины. Только тут я понял, что давно уже мечтал именно об этом.

6.

Коллега в подробностях изобразил мне дорогу, само строение и окружающий ландшафт. Я записал все приметы, сказал: «Хорошо, можешь ни о чем не беспокоиться», — и уже через день, набив сумку необходимыми вещами, отправился в путешествие.

Хотя я встал рано, чтобы не быть застигнутым жарой и не оказаться придавленным толпами пенсионеров, все же просчитался. Почти против воли меня внесло людской волной в нужный пригородный автобус и прижало к потной спине какой-то спортивного вида женщины с перехваченными резинкой пепельными волосами. Форточки на окнах заклинены раз и навсегда, люки в потолке тоже не открываются. Пошевелиться невозможно, сдвинуться в сторону некуда. Так я и стоял, почти неприлично колеблясь вместе с женщиной в такт автобусной качке.

Мне показалось, это не вызвало у женщины возражений. Пару раз она оборачивалась, чтобы искоса, словно бы невзначай взглянуть на мое лицо. И вскоре наши движения вперед-назад и вправо-влево стали удивительно согласованными, ритмичными. Видимо, я прошел фейс-контроль...

Как всякий дачный роман, и этот очень быстро закончился — женщина через несколько остановок вышла, напоследок тягуче и страстно одарив меня всем, что имелось у нее сзади. Ехать стало неинтересно.

Потихоньку-полегоньку, с кочки на кочку, с горки на горку добрались мы до места назначения. Автобус сделал тяжелый разворот и причалил возле заржавленной железной будки. Я сошел последним.

Номинально это еще считался город, но уклад жизни здесь соблюдался почти деревенский. В две стороны тянулась улица одноэтажных деревянных домов, пыльная дорога не асфальтирована, покосившиеся гнилые заборы наводили уныние и, как ни странно, одновременно несли в себе очарование, открытое лишь сердцу человека, родившегося в России.

Коллега объяснил мне, что от остановки следует двигаться налево, в сторону высокого кирпичного дома с красной крышей (далее следовал еще целый перечень примет). Похожий дом я обнаружил довольно быстро ...

Навстречу мне по пыльной деревенской дороге ехала на небольшом велосипеде девочка лет четырнадцати-пятнадцати в линялых голубых шортах из грубо обрезанных широких джинсов, сандалиях и легкой майке. Девочка или девушка? Судя по физическому развитию, хотя бы по той же самой пресловутой округлости форм, которую так любили упоминать великие писатели девятнадцатого века и плохие — двадцатого, это была молодая женщина. В то же время в лице ее проглядывало нечто такое наивное и простецкое, что становилось ясно: девочка еще не распрощалась с любимыми куклами. Я понимал, что этот велосипед — словно ненастоящий, эта поездка — всего лишь игра, и самое главное сейчас: ее высоко и радостно взлетающие колени, которым очень мешал руль, так что ноги приходилось даже несколько разводять в стороны. Самое главное — ее колени, трудолюбиво пахтающие воздух, словно на тренировке...

Девочка, проезжая мимо, внимательно посмотрела на меня. Рыжая, курносая, веснушчатая. В общем, довольно миленькая. Рот широкий... Да, миленькая, не более того. Мы разминулись.

Преодолев метров пятьсот, я вдруг понял, что не знаю, куда идти дальше. Верные приметы кончились. Меня окружала теперь сплошная «зеленка»; правда, сквозь листья проглядывали крыши дачных домиков, к которым ответвлялись дорожки. Слишком много дорожек. Слово подавая мне тревожный сигнал, возле самой дороги в железной бочке горели старые доски. Огонь рвался из железного горла печи к небу нетерпеливо и даже с каким-то остервенением. Слово там, наверху, он не рассеется бесполезным дымком, а вечно будет плясать и радостно хлопать в горячие ладоши...

Дорога пошла в гору. Это меня обрадовало, ибо соответствовало описанию. Правда, дорога теперь почему-то покрылась растительностью. Сначала свежая зеленая травка, потом огромные зонтичные пальмы борщевика и, наконец, густые ивовые побеги. Видно, здесь давно не ездили на машинах. Странно. И вдруг я уперся в глухой деревянный забор.

Пришлось возвращаться. На спуске меня охватила усталость, навалилось чувство бессмысленности происходящего. Я успел уже пропотеть, натер в паху, мои ботинки и брюки снизу покрыл густой слой дорожной пыли. Солнце поднималось все выше. А на даче у коллеги, помнится, есть колодец с чистой ледяной водой...

Я ступил два шага в сторону, сразу надежно затерявшись в кустах, и тяжело осел на какое-то трухлявое бревно. Благоденствие тень!.. Не думал, что так быстро устану. Я снял ботинки, носки и так сидел некоторое время, пошевеливая спекшимися пальцами. Это и есть цель твоего сегодняшнего путешествия?.. Выпил захваченную из дому бутылку пива, достал книжку. Фиксировать недавнее прошлое стало для меня уже навязчивой потребностью.

7.

Я поднял голову и посмотрел в небо. Там не было ничего, кроме широко растянутого, выгоревшего до бесцветности ситца. Победитель бросил на нас сверху старый пыльный флаг, и мы тонем и задыхаемся в его тяжелых складках, без всякой надежды выпутаться.

Жарит — наверное, к грозе. Хорошо бы до нее найти какой-нибудь дом, крышу над головой. .. С дороги донеслась хрипая музыка, а потом голоса — мужской и детский.

— Пап, а мы когда уже придем?

— Скоро, сын. Потерпи немного.

— Я пить хочу.

— Вот придем — и напьемся вволю. А сейчас воды у нас нет.

Родитель, видимо, крутил ручку настройки радио, скользя с одной частоты на другую. Прием везде был неважный.

— Пап, смотри — забор.

— Вижу, сын. Куда же мы это с тобой зашли? Куда-то не туда.

— Пойдем назад?

— Сейчас. Надо подумать.

Скольжение по радиоволнам продолжалось. И тут на косогоре кнутом ударил Джеймс Ласт, его одинокий пастух погнав своих коров, а громкость приемника сразу увеличилась до предела. И я подумал: да, пусть не удалось быстро прийти к цели, и неизвестно, удастся ли вообще прийти. Но я здесь. И значит, могу быть где угодно, присутствовать во всех мыслимых местах.

Торопиться смешно. Желать ускорения времени глупо. Время на самом деле есть один очень сильно растянутый момент существования. И нет ни прошлого, ни будущего, а ты существуешь всегда, пока существуешь. Да, мир довольно равнодушен ко мне и ко всем вообще людям, но он равнодушен не зло. И ждет от меня и ото всех вообще только

одного — действия! Это и есть наш долг. Мне даже отчего-то хотелось заплакать, хоть я и понимал, что все это чрезвычайно глупо. Да... Так и в самом деле из врачей можно в пастухи уйти.

Наконец флейты и трубы отвыли, отстонали и принялись утирать свои слезы очередным клочком гигиенической рекламы.

— Ну как, сын, понравилась тебе эта музыка?

— Ага, красивая. Пап, теперь мы пойдем нашу дачу искать?

— Конечно. А смотри, как здесь, на горке, хорошо. И видно далеко...

В самом деле — далеко, красиво... Неожиданно я совсем успокоился и почувствовал себя гораздо лучше.

— Пап, ну я пить хочу!

— Идем, идем. Я, кажется, понял, где мы свернули не туда. Не бойся, через пятнадцать минут будем дома.

Я почти физически почувствовал руку, властно вмешавшуюся в события; рука эта нарушила мои планы, она повела меня к какой-то неведомой цели, и не подчиниться сейчас этому диктату невозможно.

Мне показалось, что стоит только пойти за этими двумя ребятами и я тоже скоро отыщу «свою» дачу. Я выждал пару минут, натянул ботинки и осторожно вышел из кустов. Две небольшие фигурки удалились уже на порядочное расстояние. Я двинулся следом.

Вскоре отец с сыном свернули возле малоприметной развилки. Когда я добрался до нее, то опять увидел рыжую девочку на велосипеде, мчавшуюся мне навстречу. Снова она внимательно, как-то выжидающе осмотрела меня. И повернула в ту же сторону, что и мои проводники. Это меня немного озадачило. Идти вслед за ней? Но я собирался вовсе не за ней, а за теми двумя... Впрочем, дорога общая. Я решительно свернул...

Ну, вроде бы нашел. Вот он, щитовой летний дом светло-зеленого цвета, три его окна, пристроенная терраса... Правда, цвет дома скорее светло-синий. Зато калитка закрыта только на вертушку. Все верно. Я открыл калитку и шагнул на участок.

Никаких насаждений, за исключением трех старых корявых яблонь, сильно запущенных и, видимо, бесплодных. Участок давно не кошен, я едва смог пройти к крыльцу. К счастью, дверь охранялась лишь откидным гвоздиком. Слава Богу, есть крыша над головой. Теперь гроза не страшна.

8.

Я бросил сумку на пыльный красный диван и пошел искать колодец.

Колодец, ворот, цепь... а ведра на цепи не оказалось. Может, в доме. Нет, в доме вообще почти ничего не было, только голые стены, диван, стол и два разошедшихся деревянных стула при нем. На столе несколько запыленных стаканов. Зато очень много свободного места в этом пыльном и светлом строении. Я побродил по комнате, посидел в кресле на веранде. Свет бил в окна. Хорошее место для человека, которому нечего скрывать.

Я вернулся к колодцу и опять бесцельно заглянул туда, словно это могло помочь. Дрожащее, живое окно глубоко в земле. Черное, яркое, как нефть. И оттуда, снизу, я гляжу — маленький, смутный, — безмятежно опершись локтями о подоконник. Капля со лба вниз сорвалась, тут же исказив всю картину мира: лоб у меня, того, который внизу, стал вдруг вытягиваться вверх и в сторону, активно прибавляя в уме, а потом резко метнулся обратно, отбросив меня во времена неандертальцев. Придется просить ведро у соседей, ввязываться в ненужный контакт.

Продравшись через траву, я подошел к низенькому заборчику, разделявшему участки, и моему взору предстала следующая картина. Мужик, наверняка порядочно пьяный, хра-

пел под навесом в кресле-качалке, далеко откачнувшись назад и запрокинув голову. Его ноги в плетеных шлепанцах торчали выше носа. Правая рука с синей наколкой свешивалась до полу и упиралась в доски веранды костяшками пальцев. Рядом стояла пивная бутылка, почти пустая.

Его, очевидно, жена — кудрявая, лет тридцати пяти, в чрезвычайно открытом купальнике — неумело ковырялась лопатой в грядке. Третьей была девочка-велосипедистка. Она сидела на своем железном жеребенке, одной ногой упираясь в крыльцо, другая ее нога покоилась на педали, готовая, в случае чего, резко надавить. Девочка первая заметила, что я подошел к забору.

— Ма-ам! — хмуро протянула она и кивнула распрямившейся женщине в мою сторону. Женщина обернулась и ойкнула, проведя ладонями по своим голым ягодицам.

— Здравствуйте,— сказал я как мог приветливо.— У вас ведро можно попросить на десять минут?

— Ведерко? — переспросила женщина каким-то ласково-испуганным тоном и тут же метнулась к дому, но с полдороги вернулась и, просительно кивая в такт своим словам, предложила: — Вам водички достать, да? А может, вы пивка хотите? У нас есть пивко холодное!

— Не откажусь.

— Я сейчас!

Она снова метнулась к дому.

Вот это дрессировка! Ее муж был достоин восхищения и самых добрых слов.

— Васенька, вставай, к нам сосед приехал! — донеслось с веранды.

Но Васенька вставать и не подумал, даже глаз не открыл, он лишь поднял руку с пола и почесал нос, а потом опять вяло уронил конечность на прежнее место. Вожак стаи на отдыхе.

Я стоял возле забора и от нечего делать мял в руках бархатный смородиновый лист. Девочка по-прежнему сидела на велосипеде и рассматривала меня в упор. Как расстреливала.

9.

Женщина принесла почти до краев наполненный высокий бокал.

— Вот, пожалуйста!

— Спасибо.

Я медленно тянул пиво и интеллигентно общался с соседкой через забор.

— Давненько вас не было, — сказала женщина.

Что бы это ни значило, я кивнул головой и сделал хороший глоток. У женщины была привычка — после каждой произнесенной фразы она первая начинала смеяться: «хня-хня-хня!..» Как-то в нос. Отвратительно и в то же время возбуждающе.

— Будете сегодня ночевать?

— Скорее всего — да,— сказал я, отдышавшись.— Если, конечно, у вас найдется еще пиво...

— Ой! — она снова всплеснула руками. — У нас его столько!.. Васенька запасся!

— Отпуск? — спросил я понимающе.

— Да, маемся тут уже почти три недели. Скучно... никого рядом нет, одни старички... но Васенька говорит: погода-то какая — грех в городе сидеть... по полдня на пляже валяемся... вот вы приехали — может, повеселее будет. Оставайтесь, вечером костерок разведем, шашлычки жарить будем... как вас?..

— Борис.

— А я Валентина, очень приятно. Можно просто Валя. Мужа моего Вася зовут, а дочка — Илона, Илоночка... А ваша семья где?

— Я один, — сказал я. — И давно вы купили эту дачу?

— А мы ее не покупали. Арендуем на время отпуска...

Все мне стало ясно. Ну что ж, сосед так сосед.

— Валя, спасибо вам огромное. Просто спасли меня, правда. Это я вам как врач говорю. Но только все равно хочу попросить ведро на пять минут. Вода ведь может понадобиться — сами понимаете...

— Да, да...

Я прицепил ведро к цепи и раскрутил ворот. Вода оказалась действительно замечательной на вкус, как и расхваливал коллега. Я перемыл стаканы, наполнил две пластиковые бутылки.

Отдохнул часок с дороги. На старом диване спалось отлично. Никто не мешал. Потом опять мучил записную книжку. Пристала она ко мне, словно зараза. Наверное, ничего нет смешнее и печальнее человека, к старости впадающего в графоманию... И тут в окно ко мне постучали. Валентина.

— Можно?

В тот момент я был меньше всего расположен принимать гостей, но куда денешься — пиво пил, ведром пользовался. Натянул простыню до пояса, поскольку спал голым.

— Да-да, войдите.

Она была все в том же купальнике и босиком. О, дача отменяет многие условности! Вот если бы она пришла ко мне в таком виде в городскую квартиру... Я удобно лежал на диване, пристроив сбоку записную книжку.

— А я вам еще пивка принесла.

— Вот спасибо! Очень кстати. Вы извините, разморило меня сегодня с дороги...

Чувствовал я себя пошлым деревенским барином. Говорил этак лениво, словно с прислугой. Халата с кистями только и не хватало.

— Да, конечно! Ведь сейчас самое жаркое время дня! Отдыхайте. Я тут просто посижу, ладно? Я совсем не буду мешать!

— Пожалуйста.

Валентина открыла пиво и подала мне бутылку, а потом опустила свои сочные ягодички на пыльный стул, положила руки на колени. Я против воли почувствовал возбуждение. Здорово все-таки отдрессировал ее муженек!

Я медленно тянул пиво и перелистывал книжку, на страницах которой, кстати, шла речь о Валентине, сидевшей тут же рядом. Да, время не бывает прошедшим или будущим, оно всегда едино и неделимо.

— Пустовато тут, — сказала Валентина. — Места много.

— Не люблю я помещение загромождать. Красиво, когда свободно.

— Я вот тоже у себя дома все хочу старую мебель выбросить, а жалко. Да и Васенька против...

Мы помолчали несколько минут. У меня было занятие, и я, спокойно перелистывая книжку, ждал, когда же Валентина откроет свои карты. Первым начинать не хотелось.

— Борис, а где вы работаете?

— В поликлинике. Я врач.

— Вы говорили, что врач, но я думала: шутите просто... Вот повезло. Знаете, у меня...

Ну, кажется, нашли благодатную тему для беседы. Сейчас я узнаю о ее болячках. Начнется бесплатная женская консультация на дому.

— ...дочка себя очень странно ведет. Не слушается. Слова говорит какие-то... ужасные.

— Вообще-то, знаете, я не психолог. Но... сколько ей лет? Пятнадцать? Шестнадцать?

— Семнадцатый уже.

Я понимающе кивнул.

— Семнадцатый годок. Ничего удивительного. Возраст такой. Это пройдет. Надо только взять себя в руки, потерпеть... и не выпускать ее из виду. Вот это очень важно — не выпускать из виду, чтобы, не дай Бог, чего-то не случилось, — скучным голосом усталого лектора я произносил принятые в таких случаях банальности.

— Ну а если... уже случилось? Что тогда делать?

— Что вы имеете в виду?

— Вдруг она... беременна?

Я только руками развел.

— Тут уж я вам не советчик. Решайте сами. С ней поговорите.

— Да с нами она говорить не хочет! Вот, может быть, вы...

Я решительно поставил бутылку с пивом на пол и подтянул колени к груди.

— Валя, я ведь совершенно случайный человек. Сегодня здесь, а завтра... Почему вы думаете, что я смогу чем-то помочь? Почему думаете, что она станет говорить со мной?

Валентина вскочила и быстро прошлась по комнате, взволнованно потряхивая кудряшками.

— Ну, все равно ведь вы понимаете больше! Я не хочу обращаться к психиатрам... мне бы предварительную консультацию получить от умного человека. Поговорите с ней, я о большем и не прошу! Я должна знать, что мне делать. Или это действительно переходный возраст... или что другое... А уж я так отблагодарю!

Мое возбуждение при этих словах достигло высшей точки. Надо было срочно что-то делать. Рискнуть?

— Валя... вы не могли бы мне помочь? — сказал я сквозь зубы. — Мне очень неловко, но...

Лишь секунду она смотрела на меня вопросительно, а потом подошла и опустилась на колени возле дивана, мазнув взглядом по окнам — нет ли там кого. Сунула руку под простыню. Так буднично, словно я попросил в долг сто рублей до полочки и она дала, не задумываясь. Правда, улыбалась слегка фальшиво, словно медсестра у койки больного старика. Но с какой стати ей было радоваться?

...Потом она тщательно вытерла пальцы о простыню, легко поднялась с колен и деловито:

— Так я на вас рассчитываю?

— Да... конечно...

Теперь куда же денешься.

Здесь, разумеется, не было никакой измены Васеньке с ее стороны. Я до Валентины и пальцем не дотронулся, все произошло настолько быстро и естественно... Но теперь получалось, что я взял на себя малоприятные обязательства, влез все-таки в ненужный контакт. Впрочем, ладно, что тут особенного: поговорить с подростком.

Я остался один. Отдохну еще немного и пойду ополоснусь. Видел тут неподалеку личный ручей с запрудой.

10.

Около запруды купались дети, и в самом глубоком месте небольшого омута двенадцатилетний мальчик скрывался «с ручками». Я отошел от детей подальше, к самодельной плотине, через которую вода падала широким прозрачным полотном, и стал намыливаться. Потом лег под прозрачный душ. Вот где было привольно! Отсюда никуда не хотелось уходить.

Дети очень скоро выбрались из воды и убежали. Я повернулся на спину, лег на мелководье, так что над водой оставалось лишь лицо, и задремал. И как не задремать, если в ушах стоял легкий металлический звон воды, а солнце не позволяло открыть глаза. Снилось мне быстрая и нелепая чертовщина, которая обычно и видится усталому человеку, задремавшему посреди дня.

Проснулся оттого, что привычный звук окружающего пространства изменился. Я был уже не один, кто-то шлепал по мелководью рядом со мной.

Неподалеку по щиколотку в воде бродила рыжая Илона в тех же майке и шортах. Своими длинными кузнечиковыми ногами она чертила на поверхности воды быстро исчезающие круги и овалы. А может, буквы. Водяные знаки. Она еще и стопу вытягивала, и пальцем большим доставала уж не знаю как далеко. Будто писала кому-то капризное, с закидонами, письмо. И буквы эти, письма, подхватывало течение.

Я встал, плеснул в лицо несколько горстей воды и вышел на берег. Растер полотенцем лицо, а потом и все тело и вскоре немного очнулся, опаматовался. Полуденный сон был тяжек и долго не хотел ослаблять своей хватки.

Илона дописала письмо и тоже вышла на берег.

— Закурить не найдется?

Голос густой, не детский и не женский. Словно совсем другой человек сидел в ней — старик, много повидавший на своем веку, уже мало чего боящийся и бесстыдный.

Я покачал головой.

— Что, здоровье бережете?

Я не ответил, продолжая растирать ноги. Замерз порядочно. Вода в ручье была не такая уж теплая, да еще и течение...

Она сбросила на траву возле моих вещей майку, потом шорты. Провела ладонями по длинным бокам, привстала на цыпочки, вытянулась вся вверх, вверх... Рыжие волосы упали на спину. Огненные кольца на подкопченных ребрышках... кожа тонкой выделки, испещрена пригоршнями ярких веснушек, словно стразами...

Дева и ящер.

Я начал собирать вещи в пакет. Илона стояла рядом. Она молчала, и лицо ее выражало только презрение, но тело словно кричало в открытую: «Куда же ты идешь? Зачем тебе идти куда-то туда, когда я — смотри, какая! — здесь?»

— Не знаешь, тут где-нибудь есть водоем поприличнее? — спросил я напоследок.

— Да есть озеро одно... — неохотно и хрипло, врасстяжку.

— Далекое?

— Нет. Только там вода холодная. Озеро-то бездонное.

— Да ну! Покажешь?

— Ладно. Слушай, а ты правда доктор? — спросила она меня уже в спину.

— И что дальше? — Я чуть задержался.

— Я тест на беременность делала — там палочка такая... там две полоски. Значит, я правда?..

— Да, — хмуро сказал я через плечо. Почему-то мне было неприятно слышать об этом.

— Блин! Дак я же еще ни с кем... то есть я никому не...

Я быстро прервал, не желая слушать:

— Значит, одно из двух: ветром надуло или случилось непорочное зачатие.

— Непорочное? Это как?.. И че мне делать-то теперь?

— Да че хочешь. А после обеда отведи меня на это озеро. Хочу посмотреть.

— Ладно, — сказала она.

На том мы и расстались.

11.

Знаю, Он — там.

Миновало уже несколько дней с тех легендарных, трогательных, невинных времен, когда я делал последнюю запись в книжке. А ведь ничто не предвещало... Думал ли я

когда-нибудь?.. Судьба, оказывается, сорок лет вела меня к бездонному озеру, водила-водила по пустыням людским и вывела в эту реликтовую болотистую местность. А тут я брошен был, словно щенок за борт лодки. Хочешь жить дальше — плыви. Хочешь жить вечно — плыви, зараза!.. Плыву, Господи, изо всех сил гребу, барахтаюсь.

Если по порядку.. Озеро было небольшое, метров семьдесят в поперечнике, почти круглое. Одна-единственная тропинка вела через болото к маленькому деревянному мосточку, который просто лежал на воде. Когда я встал на него, он наполовину утоп. Не мосток вовсе, а плот — сваи в болотину без толку втыкать... Чахлые тростники под ветром нагибаются чутко: все разом, все вдруг, как толпа людей, внимающих своему вождю, что неистовствует на трибуне. По другую сторону открытой воды — вновь болото. И дальше только кусты, кусты и над ними сразу небо, ветер, и больше уж нет ничего.

А вода в озере как темна! Мои босые ноги, на плоту по щиколотку ею скрытые, приобрели болезненно-желтоватый цвет. Я пошевелил пальцами. Мимо них, жадно загребая мохнатыми лапами, стремительно пролетел огромный жирный плавунец. Истребитель! Нырять в глубину — и нет его! Через секунду, отсидевшись, пошел обратно вверх. Казалось, атакует меня, словно камикадзе, словно разлапистая крылатая ракета... но легко свернул в сторону и под плот. Вода, хоть и темная, а прозрачная.

Тут только я понял, что берегов у этого озера нет, безбрежное оно, и глубина началась здесь прямо и отвесно. Я сел на плоту, чтобы не прыгать сразу дуриком: привыкнуть к озеру и дать ему привыкнуть к себе. И все смотрел в темную воду за краем доски.

Никакой живности, кроме того плавунца. Лягушек нет, водомеров даже нет. И утки, наверное, не садятся, делать им тут нечего...

Поверхность воды рябится, хмурится под ветром. Да, место открытое, продуваемое. Холодно. И вода совсем не та, что в ручье. Я опустил ногу за край доски, болтанул ею там, в плотном теле озера, — лед!

Ау!.. это что еще такое?! Кто-то укусил меня за ляжку. Подскочив на плоту, я увидел, как от меня отваливается огромный жук-плавунец. Он тут, сволочь, в засаде сидел, охотился на меня! Хотел я затоптать его на досках, но он легко обрулил мои ступни и мигом ушел во тьму.

Не знал, что плавунцы кусаются. Теперь и не присядешь — хозяин объявился. Впрочем, я сюда не для того пришел... Быстро лег на живот, оттолкнулся от досок руками и, словно крейсер из дока, вышел на оперативный простор. Старался не взбалтывать воду, не перемешивать ее зря. Ведь мне тем же путем возвращаться.

Раздвигая шейю ветровую рябь, скользил над дырой в земле. Какая тут, в самом деле, высота? Страшно... Да нет, удивительно — летать теперь умею. Добрался до середины, легко перевернулся на спину. Небо, нависая, придвигаясь все ближе, смотрело на меня с каким-то ожиданием, хмурило перистые свои брови, в которых прятался единственный красный и пьяный глаз. Небо, старый слепой циклоп, чего тебе надо от меня?..

Задержав дыхание, опустил лицо в воду. Раскинул руки. Вода внизу прозрачная и темная. Надо мной солнечное сияние, подо мной тьма. Я на границе. Моя крестообразная тень, очень четко обрисованная, уходит вниз и быстро растворяется, сливаясь с одной общей темнотой. Лежу так, сколько хватает дыхания. Потом поднимаю лицо из воды, делаю несколько глубоких вдохов. Как хорошо! Подо мной — ничего, надо мной — ничего. Опустить лицо в воду, висеть бесчувственно и не знаешь точно, сам ты есть ли, нет... Вот опустил голову — и не знаю... Лишь крестообразная тень вниз упорно стремится. А вдруг там и правда дна нет и эта древняя скважина ведет в иные миры?..

Провисел так, наверное, с полминуты. Тут все и произошло.

12.

Там, в глубине, во тьме — зрак распахнулся! Зеленый, фосфорный, огромный зрачок вертикальный змеиный задрожал! И ко мне — ко мне быстро стал приближаться, стремительно увеличиваясь в размерах! И плотная темная вода от этого быстрого движения-приближения больно толкнула меня в живот!

Я закричал туда, вниз, забыв обо всем, пузыри рванулись вдоль моего лица, ослепляя и оглушая. Руки окаменели. Но только я опять этот зрак увидел, перестав кричать — а воздуха больше и не было совсем, — как в мое тело влилась могучая пружина, каждую мышцу сделав стальной. И я полетел над водой, словно полузабытый «Метеор» моего детства. На подводных крыльях шел уверенно, мощно. Плавающий мостик перелетел, не заметив. Только на берегу, в болоте, в травянистой теплой луже, понял, что больше нет смысла плыть, а пора бежать ногами. Оглянулся, прежде чем покинуть это место навсегда, и еще увидеть успел, как там, на середине, вода вздыбилась темной сверкающей горой и опять улеглась. Осталось лишь гладкое пятно посреди мертвой озерной ряби, а волны разбежались в стороны и умерли, да пузырь огромный лопнул напоследок.

Я побежал, не разбирая дороги. У меня было солнечное затмение, вот что это было такое!..

Ветки хлещут по лицу, хвойные и лиственные. Я бегу быстро и уверенно. Дороги нет, но она мне ни к чему. Тело пробивает кустарник, ноги не замечают кочек и коряг, унося меня прочь от проклятого места. Я уже и далеко. Вот болотина кончилась, бегу по пыльной летней дороге, проселочной дороге. Миновал забор. Ноги мои грязны. Кто омоет мне их, Господи?.. Мимо едет автомобиль, оттуда люди смотрят удивленно — люди, которые ничего в своей жизни не знают... Как медленно они двигаются и думают!

Сворачиваю к «своей» даче. Красный глаз в небе пропал. Да и вокруг все переменялось: тени бегут по земле, обгоняют меня, поднялся шум и треск, листья стонут, ветки ломаются, в грудь ударил сильный порыв ветра. А потом лицо начал сечь тугой дождь. Прикрываю глаза руками, бегу уже из последних сил. Вот... последний поворот.

На размокшей земле меня заносит, продолжаю скользить уже по траве, спиной вперед. Ослепительная молния бьет совсем рядом! Ноги на что-то натываются, отрываюсь, лечу, словно прыгун, преодолевающий планку немыслимой высоты. Плыть долго. Потом падаю, затылком найдя в траве твердую, неподатливую вещь. Простое поле-но мгновенно выключает мое сознание и все, что вокруг, — уверенная точка в долгом сложносочиненном предложении. Но я еще успеваю услышать первый страшный раскат грома.

13.

Гроза тогда налетела жуткая. Валентина, углядевшая меня возле домика, рассказывала, что в первую минуту ей показалось, будто в меня попала молния. Вместе с Василием они затащили меня к себе, нахлопали по щекам, сунули в нос нашатырь, кое-как привели в чувство. Я долго не понимал, где нахожусь, что вообще происходит. Наконец вспомнил и затрясся.

— Вася, налей ему водки, — приказала Валентина.

Я проглотил стакан жидкости, почти и не заметив, но это простейшее средство очень скоро начало действовать. И дрожь унялась, и мышцы перенапряженные стали понемногу расслабляться, так что я почувствовал во всем теле адскую боль — впрочем, ненадол-

го. Помог второй стакан. Потянуло в сон, и мои добрые соседи, спасители мои, оставили меня, заботливо прикрыв простынкой. А я опять полетел. И где уж там летал пару-тройку часов, не ведаю. Только вдруг подскочил на кровати, весь в поту, со встрепанными волосами, колотящимся сердцем, — и один только вопрос выкрикнул в пространство:

— А где она? Девчонка где?!

Почему, зачем? И что привиделось мне там, в иных пересечениях? Слава Богу, соседи не слышали. Валя и Вася прибежали с грядок, захопотали — вот удивительно, зачем я им сдался?.. За окном снова было солнце, но уже закатное, с улицы тянуло дымом костра и жареным мясом.

— Где Илона? — спросил я нетерпеливо.

— Куда-то уехала. Любит на велике гонять, — равнодушно пожал плечами Василий. — Хорошее дело — польза организму. Растет девка.

— Потом, потом, — Валя мотнула кудряшками. — Сегодня вам с ней уже не надо разговаривать. Сегодня мы все отдыхать будем.

— Ладно, — прохрипел я. Откашлялся. — Ладно.

— А что с тобой случилось? — спросил некстати Василий, но был уязвлен жениным локтем в бок. Видно, к вечеру, к ночи роли супругов начинали меняться, Лилит брала верх над Адамом.

Я с трудом вылез из дома, кутаясь в какую-то старую тряпку, уселся возле соседского костра.

К вечеру посвежело. Отгремевшая гроза и дождь унесли нас своими обильными водами из середины лета назад, в конец весны. Но мне сейчас того и надо было — это лучше, чем июльская духота и пыль. Я чувствовал себя неважно: старым, больным, беспомощным. Отвратительно. Или дальше водку пить, или прекращать все это как можно быстрее.

Ни в чем, ни в чем на свете нету смысла!..

Мне показалось, я забыл что-то очень важное — то, что понял, вися над кромешной бездной, когда в глубине ее распахнулся зеленый змеиный зрак. Тогда знал это что-то, а сейчас, после полена и водки, напрочь забыл. Память глиняная.

14.

Соседи готовили шашлык так целеустремленно и трепетно, словно это же самое не случилось у них здесь каждый вечер, а происходило впервые. Но к тому времени, когда мясо поспело, Васенька уже был бесчувствен и возлежал на кресле-качалке в любимой своей позе: ноги выше головы, руки разбросаны в стороны по всей веранде. Мы с Валентиной остались вдвоем. Девочка по-прежнему каталась неизвестно где.

Меня удивляло спокойствие Валентины. То она переживает за моральный облик дочери, привлекает к этому делу в качестве эксперта случайного заезжего доктора, а то не торопится загнать девочку домой на ночь глядя.

— Илоны долго нет, — уронил я, пытаюсь удержаться на чурбачке: свергнутый император по-прежнему кутался в какую-то драную тогу и следил за пляской огня на углях.

— Вы ешьте, ешьте, — Валентина подложила мне на тарелку еще мяса. — Илона на танцы ездит в местную школу. Дискотека до одиннадцати, потом провозажаются.

— Не боитесь? Все-таки скоро ночь...

— Нет, здесь хорошие мальчики, спокойные. Мы их видели, знаем.

Я представил себе, что происходит после дискотеки в ближайших к деревенскому клубу кустах... Мотнул головой и стал сосредоточенно пережевывать кусок мяса с кетчупом. Мое какое дело. О другом думать надо: завтра пораньше убраться отсюда, пока все спят. Это соседство не по-хорошему затягивало меня. К тому же...

— Давайте, Боря, выпьем на брудершафт!

Тут только я заметил, что давно стемнело, а Валентина по-прежнему как ходила днем в своем почти отсутствующем купальнике, так и сейчас. Наклонилась плеснуть водки мне в стакан: груди качнулись заманчиво, выпукло в мерцающем свете костра; каждая — словно язык медного колокола, в который звонить и звонить. Интересно, Васенька каждый вечер так нажирается?.. Экое тело пропадает зря! Соскучилось по ласке...

Мы переплелись локтями, выпили, поцеловались влажно. Мне виден был только ее правый глаз, блестящий жарко и пьяновато. Поцелуй перешел стадию дружеской невинности, и зрачок Валентины подернулся легкой сизой дымкой: катаракта страсти в начальной стадии.

— Ты, — сказал я ей.

— Ты, — сказала мне она. Оглянулась на веранду, откуда доносился мощный Васин храп. — Хочешь еще?..

Не составило никакого труда догадаться, о чем она говорит. Я по-хозяйски запустил руку ей в лифчик.

15.

Опустошенный, но в то же время полный сил и планов, я двигался к озеру, небрежно посвечивая на дорогу фонарем. Впрочем, лунища в небе круглая скалилась еще ярче, ухмылялась злорадно. Иди, мол, иди, дружок...

Плевать на эти бледные ухмылки! Я чувствовал себя прекрасно: только что женщина доставила мне удовольствие, и теперь, как положено настоящему мужику, я шел на охоту... нет, на рыбалку... в общем, приключений искать. А может, мне суждено вступить в смертельную схватку с мировым злом и выйти из нее победителем?! Водка гнала меня, бесстрашного, вперед.

Захлюпало под ногами! Размытый круг света по-обезьяньи прыгал впереди с кочки на кочку. Тьма по сторонам сгущалась, но тропа знакомая. Вон прогал, где я сегодня днем осторожно лез к плавучему мостку. Не больше метров тридцати осталось. Луна светила все ярче.

Наконец нога ощутила зыбкий деревянный настил. Я утвердился на нем, как мог, — в стороны по мертвой глади озера разбежалась мелкая волна. Камыш закланялся обрадованно, словно хитрый китаец, умышляющий недоброе. Луч фонаря облапал тьму. Пусто.

Я подошел к краю плота и заглянул в бездну, направил туда луч фонаря. Зверь был? Был. Нет его? Нет. Но он явится? И как только я об этом подумал...

Справа от меня, там, где только что ничего не было — словно не на берегу маленького озерца я находился, а плыл, как жалкая щепка, в открытом бурном море, — открылась кулиса, и Он появился вдруг во всей своей красе. Бесшумно и в полный рост. Лунища засияла безумно, прямо прожектор ударил сверху, чтоб я все лучше видел, и фонарик у меня в руке на время сделался ненужным.

Ждал Он меня, ждал.

Вот багряная башка Его нависает надо мною этакой бородатой кувалдой... Нет, огромным сапожным молотком с двумя загнутыми рогами... Острые костяные выросты по бокам мощных челюстей — дерни он слегка шеей и располовинит меня, даже не заметив... Глаза Его сияют зеленым неоном; если бы не их величина, не вертикальный щелеобразный зрачок — совершенно человечески глаза, осмысленные. Под белыми шелковыми бровками глаза древнего старика. Мудрые, холодные, безжалостные... Раздвоенный ядовитый язык выстреливает меж клыков. В нескольких сантиметрах от моего лица... Словно ощупывает так, не прикасаясь, обнюхивает, пробует... Я тоже принялся. От

Него исходил тонкий аромат ландыша. А сами клыки — сталактиты и сталагмиты в пещере, подсвеченной изнутри, из зева, темным вулканическим пламенем.

На Его верблюжьем островерхом горбе с закрытыми глазами, в экстазе восседала нагая Дева... Шкура Его покрыта мелкой багряной чешуей, а раскраска — непонятные рисунки, иероглифы ли. И из-под каждой чешуйки сочится даже на вид клейкая жидкость, так что Дева перемазана вся с головы до ног...

Тело у Него змеиное, а по бокам мощные, словно у кузнечика, лапы. Э, да Он, пожалуй, и по земле бегать умеет лучше страуса. Нет, от Него спасения не будет! В ответ Он медленно кивнул. Прочитать мои жалкие мыслишки — разве это для Него сложно... И, словно ставя точку, Он ударил по озеру хвостом, расчленил, разрезал его пополам, так что в воде образовалась длинная траншея, и через миг смачно схлопнулась. Яростные волны ринулись от этого места в стороны, и мой хлипкий плотик отбросило на берег.

Он посунулся башкой ко мне ближе, и по Его могучей шее, как по эскалатору, в мои испуганные объятия осторожно соскользнула Дева. Вся еще безмозглая и словно стеклянная, от наркоза не отошедшая, хрупкая, пальцем ткни — упадет, разобьется. Доверил... доверил.

Он подал голос: рокотнул нежно за ее спиной, потом чуть громче и басовитей. Мягко толкнул Деву в упругую попу. Ясно. Время нам уходить. Он какое-то свое дело сделал. Теперь я должен что-то?..

Он напоследок глянул мне в глаза — и одним мгновенным неуловимым движением развернулся и ушел в воду. На сей раз ни волн, ни плеска самомалейшего не было, громадина исчезла в бездне беззвучно, только слегка шлепнула в сторону стрела на конце длинного хвоста: еще одно, последнее напоминание — тебе ничего не приснилось! Иди и действуй! Иначе... По темной воде прошла мощная дрожь, придушенный утробный рев раздался, и два неоновых фонаря возникли на середине озера, вспыхнули фосфорно еще раз — и устремились вглубь, медленно там угасая.

Доверил мне, почти не сомневаясь. За что же так?.. Но ведь и я уверен был: не сожрет. Внутри себя, подспудно, ни капельки этого не боялся. Словно пришел в гости к доброму старому знакомцу...

Взял Илону за плечи, слегка потряс:

— Ну, ну, девочка моя, очнись,— сам-то еще толком не очнувшись.

Она медленно разлепила глаза. Лицо, рыжие волосы вымазаны слизью зверя, из носу течет... Чуть не упала, я удержал. Где ее одежда? Не пришла ведь она сюда совсем без ничего?

— Слышишь, Илона?

Тут только вспомнил про фонарь — уже несколько минут, позабытый и бесполезный, он лежал у меня в кармане. Щелкнул кнопкой, пошарил лучом по кустам. Ага, аккуратненький целлофановый пакетик на ветке — штаны, майка, полотенце. Умница! Только знает ли она, умница, что случается здесь, на озере, каждый раз, как она приходит купаться ночью? Вряд ли, судя по ее теперешнему состоянию.

Вот, значит, от кого она беременна.

Обтер ее полотенцем с головы до ног, отчистил, сколько можно. Она не помогала, но, спасибо, и не сопротивлялась. Кое-как на ногах держалась уже. Надел на нее длинную, по колено, майку. Видел бы эту картину ее папаша... Я взял Илону за руку, повлек через хляби к твердой земле.

16.

Остается рассказать самую малость. Илона вернулась в дом к своим родителям — уже в здравом уме, но при несколько замутненной памяти,— а я в свой. Кажется, она так и не

поняла, что же мы делали вдвоем посреди реликтовых болот. Видимо, о существовании зверя она и не подозревала. А может, истолковала всю эту историю превратно; во всяком случае, она снова начала одаривать меня вздорными, высокомерными, глупейшими взглядами. Спасибо — молчала.

Проще всего в такой ситуации: уходить, бежать как можно дальше. И пускай сами тут разбираются. Но дело-то в чем... ее ведь мне Он доверил... Он сам. И я теперь понимаю, точно знаю, чего Он хотел.

Нужно Ему было, чтоб я за ней приглядел, не давал в обиду, стал другом, наставником. Кем-то вроде телохранителя... да, именно телохранителя. В теле-то девичьем пребывал сейчас Его отпрыск.

Может, жениться на Илоне для полноты картины? Буду как старый Иосиф... все на выворот. А подойдет ей время рожать — кто появится на свет в результате этого чудовищного соития? К такому исходу я был подготовлен всей предыдущей жизнью. Допрыгался, козлик, доигрался... Я должен стать лжепророком, предтечей этого зверя из бездны? Не того зверя, который в бездне, а того, кто должен явиться в результате полупорочного... нет! сверхпорочного зачатия на озере. Тот ящер сожрать только тело может — этот же, я чувствую, будет души пожирать без остатка. Но папа его уже твердо знал, к кому обратиться и кого выбрать на роль помощника, друга сердешного.

Я сам поражен был, до чего просто и естественно согласился принять предложенное. Я — как сбившийся компас, уверенно показывающий не то направление. Попадаешь в место, где под ногами много железа — например, когда-то здесь упал древний метеорит, — и без зазрения совести начинаешь действовать вкривь и вкось, а уверен при этом, что так и надо, что так хорошо.

Наверное, внешне человек более всего открыт для соглашения со злом, а не с добром. Примером здесь послужит тот момент, когда Гламисский тан Кавдорским таном стал. И вот нам кажется, будто оно, зло, все время побеждает. Но это лишь первое инстинктивное движение человека. Ему полностью нельзя верить. Ибо человек слаб, и в том-то и его спасение.

Поищи себе кого другого!..

Меня очень привлекает явившаяся возможность: не то чтобы бросить открытый вызов многократно превосходящей силе, но встать перед ней открыто и честно и посмотреть этой силе в древние ее глаза под белыми шелковыми бровками без страха, даже весело. Посмотреть на превосходящую силу, как на свою законную добычу. И чтобы она, тварь, это ясно ощутила!

Конечно, дачные дела были позабыты. Я мгновенно стал близким другом семьи, помог Валентине пережить ответственный момент, когда Васенька узнал о беременности своей дочери. Что там было, подробно рассказывать не стану, да это и понятно. Ругань, беготня по участку с топором — сначала за Илоной, потом за Валентиной. «Убью! Убью!» Васенька и на меня накинулся, вырвал записную книжку и пытался ее затолкать мне в рот. Пришлось дать ему легонечко под дых. Потом длинные пьяные сопли повисли на щетинистом подбородке. Горестно размахивая ими, Василий сидел на крыльце и клялся, что теперь у него нет дочери... пусть убирается туда, где... Я топтался сбоку, чувствуя себя детсадовским воспитателем, у которого группа малышей на прогулке всерьез передрались и ноет. Но в конце концов примирение состоялось.

Я уговорил родителей Илоны как можно быстрее отвезти ее на обследование. Валентина возражала: мол, срок совсем небольшой, что может показать УЗИ? Непонятно будет даже — мальчик или девочка? Васенька тоже возражал. Милые, наивные, трогательные люди. Боже, как я их люблю.

Было трудно, но я справился.

Специалист, проводивший исследование, не удержался от приглушенного возгласа:
— Господи, что за урод.. А сердце у него где?! Как он вообще дышит?..

На экране ритмично сокращалась зубастая амеба с прищуренными злыми глазками. Плод был уже очень большой, несмотря на крошечный срок пребывания в утробе. Илона ни за что не смогла бы родить — наливающийся темной силой бессердечный младенец разорвал бы ее. Консилиум твердо решил, что срочного аборта не избежать. Валентина с Васей в коридоре упали друг другу в объятия. Они рыдали — оба уже всерьез настроились на скорых внуков...

Проводивший операцию коллега почувствовал, как кто-то укусил его *оттуда* за руку. Потом место укуса воспалилось и долго болело.

17.

Прошло полгода, на дворе январь, крещенские морозы.

Я по-прежнему знаю: Он — там. И страшно представить, что, когда я начну шуметь своим буром, пробивая лунку, эта тварь может взметнуться из-под льда, каким бы крепким он ни был.

Отец Глеб — бывший военно-морской офицер. Единственный человек, которому я смог рассказать все. Единственный поверивший мне и без колебаний предложивший свою помощь. Он знал, где взять взрывчатку (сохранились старые связи), и знал технологию изготовления глубинных бомб.

Мы сделали несколько штук — чрезвычайно примитивных и мощных — и завтра едем на озеро. Сейчас позвоню Жоре, его телефон записан в книжке на первой странице. Вряд ли он откажется поехать с нами. Третий, думаю, не будет здесь лишним. Славная у нас команда: поп, костоправ да отставной военный инвалид. То-то дадим мы прикурить окаянному вселенскому злу! А что делать? Есть только этот путь, все другие пути уже рассыпались пылью по ветру. Прошу не считать мои записи бредом сумасшедшего. Оставляю книжку на краю стола, на самом видном месте. Если что...

Помолитесь за нас, поставьте в храме свечки в память рабов Божьих Бориса, Глеба и Георгия. Слава Тебе, Господи, за все! Аминь.

18.

Думал, больше ничего не смогу здесь написать. Перечитал предыдущее... Не стесняться ж мне теперь себя, не предавать же. Ведь твердо был уверен — не вернусь.

...Шли на лыжах. Тащили на себе тяжелые рюкзаки с боеприпасами и бур. Умаялись страшно. И потом еще часа полтора отыскивали окаянное озеро. Не такое уж оно большое, а там ведь сейчас все под снегом. Поди догадайся, где оно. Промахнуться же нам было никак нельзя.

Наконец нашли вмерзший плот. Лунок просверлили две, одну возле другой. Пробили их быстро. Захотелось тут же присесть и отдохнуть перед главным делом — но, понятно, нельзя. Все делали молча, старались не шуметь, не стукнуть, не брякнуть лишний раз.

Теперь представьте такую картину... Гигантская тварь бесшумно движется подо льдом, тянется мордой к двум только что появившимся отверстиям... Мы спокойно ходим наверху, даже не догадываясь, что зверь засек нас давно по одному только скрипу снега. И теперь ему надо увидеть, кто это там шумит.

Мы все трое одновременно заметили в каждой лунке по огромному желтому глазу со змеиным зрачком. Я окаменел. Да и отец Глеб тоже стоял, не шевелясь. Лишь упоенно смотрел в живой трепещущий зрак и что-то тихо шептал ему. Не растерялся только Жора.

Как будто всю жизнь ждал этого момента. У него не было никакого оружия, кроме лыжной палки. Ее-то он и всадил в змеиный глаз по самую рукоять: на колени упал, воздел две руки к небу, а после, искривив рот, охнул и ударил. Словно кол вонзил в грудь вампира. Да после еще додавливал и проворачивал палку там, под водой. В податливой мякоти глаза. Внутри-то он, зверь, был, оказывается, мягкий, нежный...

Из проруби вверх выхлестнул тугой фонтан черной крови. Окаатило нас с головы до ног. Мы стояли обалдевшие, перепачканные, как буровики, добывшие первую нефть. Лед завибрировал от звериного рева, и тогда мы отскочили в сторону. Палка медленно скрылась подо льдом. Не знаю, как ребята, а я перепугался до ужаса, до икоты. Они-то хоть не представляли, с кем имеют дело. А у меня сомнений насчет нашей дальнейшей судьбы не было. Я ждал, что сейчас зверь явится во всей красе. Мощный, словно атомный ледокол, злой, как голодная гиена. И теперь навсегда одноглазый.

Но Георгий точно знал, что крупного подраненного зверя надо быстро добивать, пока тот в шоке и не опомнился, иначе будет плохо. Жора кинулся обратно к проруби и заорал мне через плечо:

— Хлопушки давай, хлопушки!

Я схватил рюкзак, метнулся следом. Второй рюкзак подхватил отец Глеб. И мы стали быстро вытаскивать заранее подготовленные бомбы, взводить их и швырять в обе лунки. Старались туда, вниз, не заглядывать. Этакий бильярд, в котором нельзя дать ни одного промаха. Не дай Бог...

И вот последний шар лег в лузу. Побросав вещи, мы со всей возможной скоростью понеслись обратно к берегу. Глеб первый, я посередине, а Жора хромал сзади, но очень бодренько хромал. Не отставал. В нашем распоряжении было полминуты.

Озеро взлетело на воздух. Как будто в него через миллион лет врезался еще один метеорит. Мы попадали на землю, а с неба начали валиться глыбы толстого льда. В который уже раз за этот день мы оказались насквозь мокрыми: сверху вода, снизу вода, да плюс змеиная кровь...

Наплевать, только бы все получилось...

— Вот такое крещение, — задумчиво сказал Глеб, когда мы отошли от озера уже достаточно далеко.

— Боевое! — поднял палец Георгий.

— Пора причащаться, — сказал я. И достал из кармана запасенную бутылочку коньяку.

Мы шли по широкому чистому полю и по очереди глотали обжигающий коньяк. На душе вскипала радость. Какой простор! Могу теперь творить, что хочу! С чего начать?.. Не навесить ли Илону? Как она себя чувствует, бедняжка?.. Да и Валентина мне наверняка обрадуется.

— Ты что? — спросил вдруг Глеб.

— А?

— Что у тебя с лицом?

— Не знаю. Кровь?

— Грех у тебя на лице. Думай о чем-нибудь другом.

Мне стало стыдно до красноты.

— Прости.

— Ты сделал большое дело — значит, тебя нынче вдвое больше искушать будут. Терпи.

— ...Понял.

Стрелка компаса снова твердо указывала на север.

Новые книги

Грицук-Галицкая И. А. СТОЯЛ НОЯБРЫШ У ДВОРА. КНИГА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ. Рыбинск: ОАО «Рыбинский Дом печати», 2011. 48 с.

Книга Ирины Грицук-Галицкой «Стоял Ноябрьш у двора» адресована детям и взрослым. Это небольшие рассказы о мальчишке Алеше, его домашних и друзьях. Есть в этих рассказах и фантастические персонажи, которые возникают из детской фантазии путем своеобразной интерпретации, например, стихотворения Пушкина («Стоял Ноябрьш у двора») или названия должности бабушкиной подруги («Упал намоченный»).

Коновалов Е. В. СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ. Москва: Водолей, 2011. 136 с.

Это вторая книга ярославского поэта Евгения Коновалова. В нее вошли новые редакции некоторых стихотворений из первого сборника автора «Беглость речи» (2005), а также новые произведения, написанные в 2001—2010 годах: поэмы «Соната праха» и «Протей», стихотворные циклы «Времена года» и «Античный дневник». Отдельные стихотворения были опубликованы ранее в периодических изданиях, но большая часть творчества впервые представлена на суд читателей. Книга удостоена первой независимой ярославской премии им. А. Клещенко.

Малинина-Фоменко Л. К. ПОД МУЗЫКУ РАЗЛУК: Стихотворения. Ярославль: ИД «Печать», 2011. 116 с.

Лирическая героиня новой книги переславской поэтессы Любви Малининой-Фоменко соткана из эмоций: она любит, страдает, сомневается. Отвергает близкого человека, любит вновь... Каждый поступок этой сильной, волевой и одновременно мятущейся натуры продиктован желанием быть предельно искренней по отношению к любимым людям и к самой себе.

Любовь Константиновна — автор текстов к более чем 200 песням. С своих стихах и песнях поэтесса умеет передать словом тончайшие оттенки движений женской души, а потому ее творчество исповедально и музыкально.

Перцев В. Ю. КАМЕНЬ НЕМОТЫ: Стихи. Ярославль: ИПК «Индиго», 2011. 176 с.

Поэтический сборник Владимира Перцева «Камень немоты» включает в себя стихи разных лет. В него вошли вещи, написанные и изданные в период с 1996 по 2000 годы и составившие в свое время книги «В затонах золотых», «Очнуться в сумерках зимы», «На вселенском сквозняке». Около трети книги занимают стихи 2000 — 2010 годов. Книга разбита на небольшие циклы, имеющие каждый свое название, до некоторой степени отражающее если не содержание, то общий настрой цикла. Эскизы обложки и титульного листа исполнены самим автором.

Пирогова Т. А. СВЕТ В КОНЦЕ ДОРОГ: Стихи разных лет. Ярославль: ИД «Печать», 2011. 124 с.

Член Союза писателей России Тамара Пирогова — автор восьми поэтических сборников и многочисленных публикаций в региональных и столичных периодических изданиях. Новая книга поэтессы является сборником ее избранных произведений, подводящим итоги на определенном этапе творческого и жизненного пути. Разделы «Я буду мечтать о весне», «Молитвы неба и земли», «Еще не отзвучали голоса» включают стихи разных лет. В своих стихах Т. А. Пирогова верна вечным темам — природы, любви, взаимосвязи всего сущего на земле. В центре ее поэтического бытия — наш хрупкий мир с его спасительной верой в добро и красоту, а потому автор каждой своей строчкой молится о том, чтобы этот мир устоял на ветру истории.

СКЛОНИЛА МУЗУ ЛИК ПЕЧАЛЬНЫЙ... Памяти Николая Николаевича Пайкова: в 2 т. Т. 1. Сборник научных статей. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011.

Это издание посвящено памяти литературоведа, ученого, педагога Н. Н. Пайкова. И хотя за пределами Ярославской области он известен прежде всего как некрасовед, его исследовательский талант был намного шире и многограннее. Тематика последних научных статей Николая Николаевича весьма широка: философия, изучение творческой индивидуальности, художественного мира, современного литературного процесса...

Столь же широка и тематика статей сборника, авторами которых являются бывшие коллеги и единомышленники Н. Н. Пайкова.

Составитель сборника кандидат филологических наук, зав. кафедрой книжного дела М. Г. Пономарева.

Смирнов Н. В. ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ. Ярославль: Канцлер, 2011. 394 с.

В книгу писателя Николая Смирнова «Повести и рассказы» вошли повести и рассказы разных лет. Детство Николая Смирнова прошло на Колыме, где отбывал срок по 58-й статье его отец, после освобождения выписавший туда семью. Эти колымские впечатления детства легли в основу его повестей и рассказов («Василий Нос и Баба Яга», «Лихо» и др.). В небольших рассказах Николая Смирнова перед читателями предстает полноцветная панорама современной уездной жизни и умирающей деревни с трагическими судьбами русских людей, где бы они ни жили.

В цикле «Распавшееся ожерелье» предметом внимания автора стали детские судьбы, в которых и за которыми просматривается будущее России.

ЯРОСЛАВСКАЯ КНИГА — 2010: каталог книг местной печати. Ярославль, 2011. 113 с.

Каталог включает печатные издания и аудиовизуальные материалы, вышедшие в свет в 2010 году на территории Ярославской области, а также краеведческие книги, изданные за пределами региона. Составитель — Т. В. Дементьева, заведующая отделом краеведения Ярославской областной универсальной научной библиотеки имени Н. А. Некрасова.

Все документы сгруппированы в разделы по отраслям знаний. Раздел «Художественная литература. Фольклор» состоит из более полусотни названий книг ярославских прозаиков и поэтов. Издание завершают указатели, включая именной, географический, указатели заглавий и издающих организаций, что облегчает поиск необходимой информации.

Выпуск каталога осуществлен в рамках ведомственной целевой программы Департамента культуры Ярославской области на 2011 год.

*В оформлении рубрики использованы материалы
ЯОУНБ им. Н. А. Некрасова*

П О Э З И Я

Александр БЕЛЯКОВ

Родился в 1962 г. в Ярославле. Окончил математический факультет Ярославского государственного университета. Работал программистом, журналистом, сотрудником издательства, книготорговцем, бухгалтером, копирайтером, чиновником, РК-менеджером. Сейчас — редактор на телевидении. Выпустил шесть книг стихов: «Ковчег неуютно» (1992), «Зимовье» (1995), «Эра аэра» (1998, шорт-лист премии «Антибукер»), «Книга стихотворений» (2001), «Бесследные марши» (2006), «Углекислые сны» (2010).

Живет в Ярославле.

«Съезжались гости в черный ящик»

* * *

святой зорге воскрес на зорьке
то ли в мороке то ли в морге
пальцы воздуха холодны
предаваясь светскому дзэну
можно снова гулять сквозь стену
только нет никакой стены

можно в рай ломануть из ада
но зачем мертвецу награда
он и сам человек-музей
в лихорадке неистребимой
спал со всеми кроме любимой
пил со всеми кроме друзей

вот стоит он гол и взъерошен
на чужбине своими брошен
прогоревший дотла брюнет
опознав бытие двойное
сердце скачет как заводное
но дыханию хода нет

сентябрь 2010

* * *

заплутал в лабиринте лета
призрак оперы и балета
шелестит за каждым углом
по делам ему поделом
ветряные его скрижали
обещания не сдержали
где воздушная та мука
мука душная велика
и кому теперь строят козни
крылья сдвоенные стрекозы
обожженные золотой
муравьиною кислотой

сентябрь 2010

* * *

доктор привез водку патроны саван
чайка двуглавая пала к ногам стрелка
для красоты звездами разрисован
полог небесный как будто истлел слегка

этой зимой в доме не ждут посыльных
новости дня зашифрованы в общем сне
млечные волки плывут в берегах кисельных
еле видны в ослепительной белизне

декабрь 2010

* * *

анненский крест одышливый
тихий мороз введенский
из оборота вышли мы
стертыми не по-детски

кто опознает призраков
после мирской атаки
вместо первичных признаков
лишь водяные знаки

март 2010

* * *

съезжались гости в черный ящик
подмигивали входы-выходы
взрывался кислородный смех
и тени двигались для выгоды
буквально всех

о жар пещер живородящих
механику самозабвения
в тугую музыку облек
мгновенный гений единения
потусторонний мотылек

январь 2010

* * *

березняк особняк сквозняк
перебранка дверей и рам
бельэтаж выкликает числа
тени сели играть в лото
кто здесь кричит неизвестно кто
день иссяк
тишина провисла
и по траектории винтовой
раздвигая сумерки головой
как дрейфующая эскадра
гость уходит за рамку кадра
там по крайности что-то есть
тихий ужас
благая весть
неделимый остаток смысла

февраль 2010

Тамара РЫКОВА

После первой публикации в 1976 году в ярославской областной газете «Юность» Тамара Рыкова начала активно печататься в областных газетах и коллективных сборниках. Принимала участие в организации Первого всероссийского совещания молодых авторов в 1996 году в Ярославле. Работала в отделе поэзии литературной газеты «Очарованный странник». Автор сборника стихов и прозы «Не суетись, душа» (2003). Около пяти лет возглавляла ЯО Союза российских писателей. Заместитель председателя Комиссии по литературному наследию Константина Васильева, член Рабочей группы Васильевских чтений. С 2009 года — председатель ярославского городского клуба любителей словесности «Тысячелетие».

«Мой стих с крылатостью печальной»

Элегия

Ах, не кори меня, мой друг,
за нежность слов, за живость боли.
Она, вошедшая в наш круг,
лишь призрак света,
но не боле...

И нет ей имени, поверь,
прогнать её не в нашей воле.
Так в сумерки открыта дверь...

Но только в сумерки,
не боле!..

А мы живём при свете дня.
У нас прописанные роли.
И отсвет прежнего огня
лишь призрак света,
но не боле...

* * *

Покой мне вреден изначально.
Приходит смертная тоска.
Мой стих с крылатостью печальной
слетает с белого листка.

Не поддаваться смерти — драться,
а умереть, так уж в борьбе.
Не стану странником скитаться
по страхом выжженной судьбе.

А сердцу, полному печали,
ты преднамеренно не верь.
Не отворяй еще в начале
в конце затерянную дверь.

* * *

Стихи не пишутся.
Не просятся слова
в тугую вязь,
в распахнутые крылья.
То явное свидетельство бессилья,
и тяжела седая голова.

Хочу молчать...
Ах, сколько наплела, напела,
невыпазд наворожила.
Но стынет кровь в непроходимых жилах,
и к сердцу словно лава прилила.

Мир рушится?
Все — дружбы на песке?
Любовь, что дым,
глаза слепит и душит...
Но согревает зябнущую душу
лишь тоненькая жилка на виске.

Детство

Пахну́ло той зимой,
в соломинках и санках,
с гортанным криком птиц
и запахом углей.

Там бабушки рука,
с иголкой и картошкой.
И мамин день рожденья
в январе.

Все тихо и светло.
Душа еще не знает,
что ждет ее весной,
она спокойно спит.

И ласка, и тепло
повсюду здесь витают,
и дверцу тербит, пылая,
наша печь.

Все живы.
Ничего не знаю я о жизни.
И нашего кота
не пересёк трамвай,
он рядом, здесь, со мной,
мурлыкает и дремлет.

Весь мир спокойно спит,
застигнутый зимой.

* * *

Покрыла инеем зима
деревья, крыши, провода,
не схорониться никуда.
Звенят серебряные нити.
О чем, о чем вы там звените?
Зима. Зима.

Алебастровые сугробы, отполированные ветром,
искрятся в лучах невысокого солнца.
Угольно-пепельная ворона тяжело шагает,
оставляя на снежном листе
глубокий когтистый узор.

Лохматая собака выкарабкалась из снега
и, отряхиваясь, вздымает вокруг себя
алмазный туман.
Печальный кот медленно идет по расчищенной дорожке,
осторожно обходя рассыпанные хвойные веточки.

Звенят серебряные нити...
О чем, о чем вы так звените?
Зима... Зима...

Памятник

Глубоко вросла, что камень,
в замшелую древнюю землю.
И мглистая стужа и пламень
во мне притаились и дремлют.

Могучим гранитным срубом
стою на оставленном месте.
Застыла в величии грубом.
Стою по велению чести.

Шагну я — не каменным гостем,
а маткой медвежьей стати.
Осталась на старом погосте,
ах, мамочка, мама, мати...

Эмма МАРЧЕНКО

Родилась в 1932 г. в Воронежской области. Окончила Московский историко-архивный институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Работала в Ярославском областном архиве, в редакции газеты «Советский танкер». Руководила литературным объединением при редакции газеты «Юность». Ее поэтические подборки выходили на страницах журналов «Москва», «Волга», «Юность», «Молодая гвардия». Автор восьми книг стихов, вышедших в Ярославле и Москве. Член Союза писателей России.

Нежданные стихи

Туманная комета

Пока не слишком поздно,
Пока не ярки звезды
И пятна фонарей,
Над крышами комета
Особенно заметна,
Особенно доступна
Вниманию людей.

Какой-то из прохожих,
На остальных похожий,
Глядел с открытым ртом.
Я и сама сначала
С восторгом различала
Туманную комету
С расплывчатым хвостом.

Но в сутолоке вечной
Отстала через вечер
От межпланетных тем.
Она ж меж тем исчезла,
И спорить бесполезно —
Зачем она являлась?
Наверное, ни за чем.

Ее туманной маске
Нейдут земные краски
И четкие штрихи...
Как ни давно все было,
Ее не разлюбила
И даже написала
Нежданные стихи.

* * *

Весенние деревья —
Зеленую толпой,
Не знаю разделенья
Меж вами и собой.

Да как бы я узнала,
Что началась весна,
Когда бы не застала
Вас около окна?

Вчера всего лишь почки
Набухли на ветвях.
И вот уже листочки
Проклюнулись и — ах!

Ах, до чего ж отрадно
Взглянуть на вас весной!
Взгляну лишь — и не надо
Мне радости иной.

Расправа

Где на углу обычного дома
Еще хрущевской рухнувшей эпохи
В июне расцветал высокий тополь,
Роня пух легчайший, словно вздохи,

Я здесь всегда сворачивала к дому,
К другому, к своему, но тут же рядом.
Приверженный пространству городскому,
Огромный тополь отмечала взглядом.
А на углу толпились и кричали,
Себе противоречили вначале:
— Какой здоровый!.. Вечно пух роняет...
Он у кого-то окна заслоняет!..
Торчит у дома, как в бутылке штопор... —
И вот спилили негодный тополь.
И возвращаюсь я в свою квартиру,
Прекрасного лишась ориентира.
Я медлю здесь, где тополь цвел когда-то,
Лишь затаенным вздохом виновата.

* * *

С годами меняются лица,
Да так, что порой не узнать...
Мне видится снова столица,
Едва лишь начну вспоминать.

Москва не в кромешном угаре,
А та, где в студенческий срок
Я с кем-то размашистым в паре
Кружила в сиянье дорог.

А нынче я дома и дома,
Живу в областной стороне.
И жизнь продолжается долго,
И старость наскучила мне.

А ныне куда-то направлюсь —
И кругом идет голова.
Спокой изменил Ярославлю,
Как будто бы это Москва...

Машина мелькнула, как пуля,
Несутся опять и опять...
Сидела бы дома, бабуля,
Чем жизнью своей рисковать!

* * *

Я до страсти любила грачей.
Не люблю, говорю, а — любила.
Срок пришел, и во мраке ночей
Злая немочь на грудь наступила.

Оттого, что хвораю давно
И устала валяться в постели,
На рассвете взглянула в окно —
Поняла, что они улетели.

И такая нахлынула грусть
От осеннего опустошенья,
Что решила: уже не дождусь
Улетевших грачей возвращенья.

Но коснулось видение глаз —
Ни конца у него, ни начала:
Не сама ли я множество раз
Этих радостных птиц привечала!

Коль дожить до весны суждено,
Протянуть удивительно долго —
Их на ветках увижу в окно
И — душа расцветет от восторга.

Леонид СОВЕТНИКОВ

Родился в 1955 году в Рыбинске.
Учился в Рыбинском полиграфическом техникуме. Член Союза российских писателей.
Автор сборника стихотворений «Спящий куст. Избранное» (2006).

«И смысла не отбрасываю тень я»

* * *

Д. С.

Я сижу в своей дыре, на поселенье.
Снегу много. Денег мало. Толку нету.
На душе — как на реке — оледененье,
Может быть, оно исчезнет ближе к лету.

Знаешь, Дмитрий, лишь на море — перемены:
Лед трещит, на местной ГЭС спустили воду.
Да и жизни тает лед — растут лишь цены,
Невзирая на реформы и погоду.

Помнишь девочку, робевшую меж нами,
Худосочную, со взглядом грустно-странным?
Стала смелой, со стройными ногами,
Ныне с Кушнером общается как с равным.

Что останется? Весенних дней наплывы,
Нежность сумерек, закатов акварели...
Чтоб лучи едва касались веток ивы
И чтоб ветви ив сквозь сумрак чуть белели.

Возвращение Казанской

Были вбиты крюки, и один — прямо в сердце печальное Девы,
Два других — в облака, и еще один — в руку, подъятую строго...
Чтоб держать стеллажи с документами мертвых. О где вы,
Прежде жившие, память хранившие и распинавшие Бога?

Я один из вас, люди, я помню, как плакали фрески, оттаяв,
Как снимали коробки и доски, из стен вынимали крюки...
Как металась под куполом темная и леденящая стая,
И под мартовской резьбой я долго страдал от звенящей тоски...

Рыбинск, 1980 — 2008

* * *

«Я буду камню сострадать...»

Ирина Перунова

Я не буду камню сострадать,
Потому что быть отрадней камнем,
Чем живым изгоем. Благодать
Не дана мне нынче, не дана мне...

И не буду девочке вон той,
Некрасивой, сострадать... Эпоха
Разберется прежде с красотой,
С формой, что для прочего — неплохо.

Может, буду сострадать мечте
За вчерашнее невоплощенье
Иль словам, которые не те,
Хоть о состраданье, о прощенье.

* * *

И смысла не отбрасываю тень я —
Глухой сорняк неполютой гряды;
Сон для меня — что дождик для растенья,
Как будто в уши налило воды.

И бабочка порхает над теплицей,
И зайчик света прячется в дресве.
Боярышник, как истинный патриций,
Надежно сон мой приютил в листве.

* * *

Вот маки — цветущие бабочки сна,
Вот сны — золотые соцветия сада,
Что щедрую прелесть дарили сполна.
Но сад обнищал, покосилась ограда.

Вот сухость гремушки на месте цветка,
И вызревший сон может быть смертоносен.
Вот выпуклость яблока чует рука,
И дрожь пробегает по саду, где осень.

И дрожь пробегает по телу. Старик,
Я вижу, как мы, то есть прежние дети,
Смеемся с тобой вне аллея и столетий,
Встревожив, как бабочку, солнечный блик.

Любовь НОВИКОВА

Родилась в селе Надежда Ставропольского края в 1959 году. По окончании ставропольского строительного техникума приехала в Ярославль. В 1988 году заочно окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Автор четырех поэтических сборников — «Сирени цвет» (1988), «Лицом в ладони» (2000), «Молитесь обо мне» (2004), «Я зажгу свечу» (2009). Стихи печатались в журналах «Наш современник», «Звезда», «Волга», «Русь», «Русский путь на рубеже веков», в коллективных сборниках, в современных поэтических антологиях, в местной периодике.

«Другой судьбы у птицы нет»

Слову

Всему, что не Оно, я отвечаю: нет.
И словно прорвалось молчанье долгих лет,
Не знающее речь лукавых средин.
Из глуби всех глубин.
Сквозь щели всех плотин.

Оно мне и под рост. Оно мне и под стать.
Мне с ним ночей не спать.
Пиров не пировать.
Разгадчицею стать небесных теорем.
Оно подскажет мне — откуда и зачем.

Оно мне — по душе. Оно мне — по рукам.
Мне без Него весь мир — не более чем хлам.
Пусть изношусь до дыр. Пусть проиграюсь в прах.
Пока Оно со мной — я — князем во князьях.

Оно мне Бог и Дух. И мой насущный хлеб.
За то, что, как в чертог, Оно в мой душный склеп
Доверчиво летит синицею в ладонь.
Меня хоть разорви. Ну а Его — не тронь.

Я сроду не была ходящей в поводу.
А перед Ним при всех я в ноги упаду:
Благодарю за честь — сгореть в Твоем огне.
Спасибо, что ко мне. Спасибо, что по мне.

* * *

Наплакалась — и снова петь.
Огню — гореть. Траве — шуметь.
А птице, ей — летай да пой.
У птицы нет Судьбы другой.

Ее гнездо — на всех ветрах.
На всех снегах. На всех дождях.
В нем вряд ли кто найдет приют —
С чужими птицы не живут.

Крыло с крылом, как с тьмою свет.
Другой судьбы у птицы нет.
А вскинешься о том жалеть,
То не летать тебе, не петь.

Все — радость, боль, беду, тоску, —
Все — в Слово. А потом — в строку.
Потом — в размер. Потом — в Судьбу.
Все — перекладиной к столбу.

И столб — уже не столб, а крест.
От сердца к сердцу блавест.
А если Слово — не в Судьбу,
Пойдешь к позорному столбу.

Другой Судьбы у птицы нет.
Все, что не в Слово, — под запрет,
Коль два крыла тебе в Судьбу
На перекладину к столбу.

* * *

А вышивка пошла легко, красиво.
Игла порхала ветрено и просто.
Я поднялась самой себе на диво
Чуть выше человеческого роста.

И как-то сразу научилась думать
Не так, как все. Да, видно, не на пользу.
Рожденную летать, мой век угрюмый
Все гнет к земле и заставляет ползать.

Пигмеи всеплетей и всеязычий
Диктуют — кем мне быть и что мне значить.
Такая, видно, моя доля птичья.
Такая, видно, жизнь моя собачья.

Но я не стану петь под ваше ухо.
Мне не по нраву ваш размер метровый.
Не вашим вычурным медвежьим слухом
Судить мое неласковое слово.

Я — не для вас. Мой час еще не пробил.
Мой век еще не зачат Мирозданьем.
Я здесь одна. Не в славе, но во злобе.
Сама себе — закон и наказание.

* * *

Так и живу я, век свой невлюбля.
Уйти. Ушла б. Да, вроде, рановато.
Который день я мучаю тебя,
Божественная Лунная соната.

Неверный слух, как грубые тиски,
Перевирает ноты и созвучья.
Так раздирают бабочку в клочки
Прожорливые челюсти паучья.

А чем мне жить до смертного конца?
Чем мне дышать? Какой корысти ради?
Так пусть хотя бы лунная пыльца
На строчки мои смутные осядет.

Железного бездушья сквозняки
Все выдули с низин и до верховий.
Чтоб мне не задохнуться от тоски,
Я рву твою сонату на куски.
Прости меня, о, Людвиг ван Бетховен.

* * *

Мне надо это рассказать кому-то.
(Но не тебе. Нет, ты меня не тронь.)
Вчера на кладбище морозным утром
Мне голубь сел снежинкой на ладонь.

Как будто бы и впрямь за крошкой хлеба.
(Вам — все корысть. Вы — все о пятаках.)
Ко мне вчера в ладонь спустилось небо.
И я его держала на руках.

Со мной такого не было ни разу.
(Кому, кому об этом рассказать?)
Своим пугливым голубиным глазом
Смотрело небо прямо мне в глаза.

Из-под надгробий, темных и тяжелых,
Мне вечный мир крестами угрожал.
А у меня сидел в ладони голубь
И лапками по ней перебирал.

Его глазок, доверчивый и круглый,
Небесными мерцаньями играл.
Я голубя держала, словно друга.
И голубь от меня не улетал.

О чем мы с ним в то утро ворковали,
О чем смеялись, плакали о чем,
Одни кресты, одни надгробья знали.
Тебе ж довеку не узнать о том.

* * *

Не пересохнет горло родника.
Не оскудеет щедрая рука,
Пока есть ждущие воды и хлеба.
Дорога ляжет в ноги беглеца.
А мне — лишь небо, небо без конца.
Пока я есть на свете, будет небо.

Здесь мой приход. Здесь Богу я молюсь,
Когда строкой горячею давлюсь,
Свою судьбу переплавляя в чудо.
И если ты взойдешь под этот кров,
Чтоб дать мне новых мук для новых слов,
Я и тебе тогда молиться буду.

Да будет праведен мой всякий грех.
Ведь я сюда пришла не для утех.
Не спросливы мои мольбы и требы.
Я у земли ни слова не спрошу.
Я только небом на земле дышу.
Я буду жить, покуда будет небо.

* * *

В соавторы. В посредники. На плаху.
В поводыри. В солдаты. В пастухи.
За то, что ты последнею рубахой
Стал для меня. Что все мои стихи —

Они твои. Твоей сочатся кровью
Слова и строки всех моих стихов.
Ты вправе данью обложить любой
Сокровища добытых мною слов.

Ты можешь предъявить права наследства,
И я не вправе буду отказать.
Ведь ты — мое единственное средство
Не задохнуться и стихи писать.

Я — лишь рука, ведомая тобой.
Я — только след, оставленный тобой.
И если я хотя б чего-то стою,
То власть — твоя. И трон — по праву твой.

А ты живешь. И ничего не знаешь.
Храни, судьба, твой царственный покой,
Мой день воскресный. Жила золотая,
Что без меня была б пустой рудой.

Евгений КОНОВАЛОВ

Родился в 1981 году в Ярославле. Кандидат физико-математических наук, преподаватель Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Новый берег», «Урал», «Пролог», «Вечерний гондолер», «45-я параллель», а также в региональных периодических изданиях и коллективных поэтических сборниках. Представлен в литературных антологиях «Пролог. Молодая литература России» (2005), «Новые писатели» (2009). Лауреат межрегиональных фестивалей современной поэзии «Логорифмы» (2007, 2009), конкурса им. К. Васильева (2010). Специальный приз жюри I межрегионального турнира поэтов (Пермь, 2008). Полуфиналист и финалист ряда сетевых международных литературных конкурсов. Участник пяти форумов молодых писателей России (2004—2010). Стипендиат Федерального агентства по культуре и кинематографии (2008). Автор книг «Беглость речи» (2005), «Стихотворения и поэмы» (2011).

«По канату сплетенных стихотворений»

Ars poetica

Так мальчик голубиной шеей заморожен,
так атлеты бегут по стадиону амфоры,
так на аэродром садится алюминиевый дракон
развернутой во времени и пространстве метафорой.

Инструмент ли ты языка,
копье ли, брошенное одиночеством
в небеса и летящее слепо
к неизвестной цели? — Примеривайся, пока
ледяная безлюдная ночь черства,
как горбушка черного хлеба.

Только зрелищ! Запоминай, как просвечивает наряд
осеннего клена — обряд похоронный — мурашки по веткам,
как тени от слов на листьях дрожат
под мистическим ветром.

Вот она наступает по всем фронтам,
в руках у нее города и эпохи
дышат любовью, гневом и алыми
сполохами, — а писаки нам
плачутся, как дела ее плохи.

Поэзия не следит за журналами.

Ей
важней,
что липы в белых гольфах — совсем как ряд
первоклассниц с букетами окрестной сирени;
что бродячие псы исподлобья на прохожих глядят
с мученическим смиреньем;
что однажды шагнул — и нет пути назад
по канату сплетенных стихотворений.

Обнял воздух — и шею готов сломать,
истребителем заходишь на цель, от восторга
с ужасом одуревши, — а все не стать
молодеющим ангелом Сведенборга.

Время расправляет пергамент
и показывает то прах, то дым
зазывалой-фокусником — на устах елей, —
обманывая старцев полигамной
славой, давая на чай молодым.

Поэзия не помнит своих создателей.

Зачем же идти на амбразуру слов,
проживая и быль и небыль;
зачем верхушки березовых стволов
по шахматной доске проходят в небо;
зачем до рези в глазах ты готов
несказанное видеть одетым рифмой нелепой?

Искусство поднимать себя за волосы — вот то,
что присуще нам — фотосинтез по выдаче
в одни руки, — чтобы грубое словесное долото
контур темного воздуха могло выточить.

На распродаже подержанных факелов получать
удостоверение в испытанной благодати;
или знать, как посмеивается сквозь печаль
несговорчивый демон Сократа;
или стать сосной, горящей в лучах
собственного заката.

Ночью шевелятся иглами волосы на голове,
утром хлебнул росы и забываешь, кто ты, —
не пророк, но уверовавший в себя человек
обживает молчания зияющие пустоты.

Вот и все призвание. Ради бога,
обойдемся без Бога — строк, полей
и заглавий. В такой дыре
мудрено отыскать к нему дорогу,
одной ногой в античном акрополе,
другой — в буддийском монастыре.

Переполняет чернильная вода
кувшин из белого дерева,
раз навсегда —
разбей его.

* * *

Из коньячного дыма уходя поутру,
в снежный ветер лицо окуная, —
так и спрыгнуть с ума, прямо за отбивающимся от рук
чугунным хвостом трамвая.

Он мигает спросонья, а все везет —
полупьяный ямщик — искры сыпятся под вожжами
на того, кто хохочет в небо, спутав никотин и азот,
и ноги над рельсами поджигает.

Синева обжита ослепительным февралем,
ледяными фуражками крыш, галочьим воплем;
но вчерашний мир вписан в этот же окоем,
столь же фантастичен, как и отчетлив.

Это — черный от тоски капитан,
это — радиограмма лестничного пролета в космос,
это — под потолком тает призрачный капитал
быта и содружества одиноких матросов.

Трамвай ли, корвет — режут пространство там,
где последняя ночь, как любовница, своенравна,
где мешаются исповедь и бедлам
с налитой в окна белесой ранью.

А у нас под рукой только время, вот и рискни
снова впасть в полоумную юность, такую
долгую — взмах изумленных ресниц,
и как пуля — шальную.

* * *

Немота, немота, немота,
мгла тревожная, шелест последний
обрывается ветром, ласкающим кожу листа,
или эхом столетий.

Теоремы доказывать, спорить, грешить,
речью портить и воздух бесшумный
и введенное время, — не чувствуя сквозь чертежи
льдистой кальки безумья.

Ясень врос в перекрестье окна
сетью пальцев, нащупал впотьмах неживое
и упорствует, — так внутри нас прирастает она
одиночеством, шепотом, воем.

А ребенок все лепит ее из песка,
а любовники ищут на фоне постели,
а случайно услышал морфемы ее языка —
и виски поседали.

Гроздь страха на ветках висят,
оттого-то и сладок
плод любой, оттого-то и хочешь числом на весах
с гордой немощью сладить.

Ну, так нотою выше! Один
утлый голос привыкнет и к этой
немоте за окном, где пейзаж залетейских равнин
снегом залит, как светом.

Хризантема и меч

Юкио Маэда разящий удар
наносит своим мечом,
не думая ни о чем.

Его сердце молодо, разум стар
старинной горного озера, чью поверхность
не искажает зыбь, —
там, где в трусости растворяется верность,
и холмы заливают победный призыв
бесчисленных Тайра. Он остался последним, кто
еще продолжает бой,
окружив себя гибельной и сверкающей стеной
двух клинков. Мастер кэндо
и дзен абсолютно спокоен,
и с самого утра
на него нападают по двое и трое.

Начиная слабость от ран,
Юкио Маэда погружается с головой
в созерцание сосен над цепью далеких гор,
он смотрит на них в упор,
как равный. Меч сросся в одно с рукой,
всей плотью, еще не превращенной в останки,
а из мерцающей внутренней пустоты
рождаются строки танка.

— Самурай Минамото, как можешь ты,
каменный идол невозмутимости, видеть вязь
иероглифа в полете бабочки над дурманом
безымянной зелени, превращенной в грязь
и кровь под бой барабанов, — там, где не рано
ли вообще что-то чувствовать, стремясь
в бесстрастную тупость нирваны?

*Влажный от слез рукав
примет аромат лилий
и отблеск луны
сквозь дырявую крышу
в хижине отшельника.*

Жемчуг росы превращается в пар.
Одних нападающих сменяют другие.

Вежливо улыбаясь, Юкио
Маэда наносит новый удар
мечом, алым от страшной жатвы,
бессмысленной, бесчеловечной вдвойне
на проигранной войне.

— Самурай Минамото, любой Бодхисатва
назовет тебя не воином, а палачом
божьей милостью, бескорыстным убийцей
ближних, едва ли виновных в том,
что их, как водой, заставляют напиться
гибелью под холодным мечом,
не знающим жалости, не различающим лица!

*Кусты диких роз
не испытывают ненависти
к тем, кто ослеп от желаний;
но попробуй нарвать цветов —
и будешь исколот шипами.*

Нечем дышать в полуденный жар.
Одних нападающих сменяют другие.
Вежливо улыбаясь, Юкио
Маэда наносит новый удар
мечом, уже дрожащим в его руке,
как огромная гиря
вселенной, висящей на волоске.

— Самурай Минамото, что сказать тебе миру,
устрашенному встречей такой, кто припев
твоей смерти подхватит со дна долины,
или сеятель горя всех презирает, как лев
презирает добычу, лежащую наполовину
живой перед тем, кто стоит, преуспев
не в мастерстве, а в гордыне?

*Из всех сил растут
стебли хризантем,
чтобы успеть
вынести свой бутон
на солнечный свет и смерть.*

Истоки любви — за цепью далеких гор.
Путь открытого сердца — один не случаен.
Не истину, а молчанье
рождает спор.

Опускаются на глаза покрывала тьмы.
Замедляет бег колесо сансары.
Дхармакая ждет мастера дзен. И мы
все скоро узнаем за переплетом старой
летописи, что скажет на это
нефритовый государь,
ну а пока Юкио Маэда
нанес последний удар.

Postscriptum

Костюм из свежих газет
с лацканами шевиотовых сплетен
заказывает себе на обед
блокбастер и триллер в омлете
рекламы, мюсли новостей
из жизни ворюг, грудастых клипов —
не то шейк, не то стейк —
брызжет кровью, гламуром и липой.

Что остается сказать?

Даная Рембрандта смотрит на дождь так,
словно речь о жизни и смерти,
словно бог возникнет, как только в него поверите,
а вокруг обнаженного тела струится мрак.

Поднимаются из траншей
метро акриловые сабли на пальцах,
и муза выбирает мишень,
то есть хромированный панцирь
отеля «Парнас», где живет
бог искусств и продюсер народов,
где услужливые фотошоп и ай-под
заменяют рифмы, цвета и ноты.

Что остается сказать?

Даная Рембрандта смотрит на дождь так,
словно капли с бликами солнца — великое чудо,
уводящее в никуда, пришедшее ниоткуда,
а вокруг обнаженного тела струится мрак.

Девять ши о гордости и смирении

1

Обосновался один
у подножия лесного холма.
Общество сосен
предпочитаю людскому.
Преисполнился мудрости
или сошел с ума —
кто сообщит мне,
раз никого нет дома?

2

У Брехта Ду Фу
говорит, что недуг гордыни
плохо лечится
отшельничеством. Пусть так,
но на покрове смирения
быстрее ли складки застынут
в толпе, где его
задевает любой пустяк?

3

И дружба и любовь
наталкиваются на разность людей.
Не отсюда ли растут
соперничество и ревность?
Не так ли обида
ожесточает сердца — тем сильнее,
чем дальше зашла
в разделенном чувстве потребность?

4

Любые руки грубы.
Их прикосновения ранят
и готовы присвоить
все сокровенное в нас.
Уходить от любовницы
не лучше ли сонной ранью
и с пирушки друзей
незаметно сбегать через час?

5

Ожесточенное сердце
глухо к добру и злу
и заранее знает
ответ на любые просьбы.
Не здесь ли пароль,
открывающий дверь послу
гордости — в ту страну,
где непреодолимо врозь мы?

6

Нет ни добра, ни зла
в темном лесу субстанций
или в виде значков
на скрижалях старинных догм.
Зло и добро — кругом.
На остановке метро, в медленном танце,
из-за угла старухой,
по слякоти идущей с трудом.

7

Как различать их?
Скрыты за сотней ли
желания ближнего
или набрасываются всей оравой?
Внезапный порыв
сердце почувствует ли
до первой мысли,
правой или неправой?

8

Спонтанное «да»
ставить всего превыше.
Спонтанное «нет»
воплощать отказом любим.
Чуткости обучаться —
по голосам или стуку шишек,
но независимости —
лишь под холмом лесным.

9

Беседую с соснами.
Науку мотаю на ус.
Редкий прохожий,
увидев лицо или спину,
гордецом назовет —
смиренно в ответ соглашусь,
отметит смирение —
голову гордо вскину.

* * *

С. Е.

Больше светлой печали! Еще
одинокства под небесами
с остановленным временем — в счет
неслучившегося между нами.

Перечеркнутых судеб листы
ускользают меж пальцев,
шелестят: «Только ты, только ты
не летишь, а застыл постояльцем».

Холст предзимья, как выцветший тюль,
загрунтованный воздухом — серым
на просвет. Смуглолицый июль
если был здесь, то напрочь утерян.

Не ученье ли смерти кругом?
Не намек ли заботливой силы,
заходящей в прижизненный дом, —
для репризы могильной?

Вот и аудитория лип
с тополями притихла, готовясь
различать в выражении лиц
той же силой внушенную повесть.

Что еще в ней дано угадать
звуку, полному жизни,
а затем — уходящему вспять
за поля глуховатой отчизны?

Как уметь претворить и ее
голоса? Что в конце, что в начале —
одиноким бесстрашием. Ну а еще
лучше — светлой печалью...